

УДК 811.162.4

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ М.М. ГОДЖИ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ
В КОДИФИКАЦИИ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА Л. ШТУРА**

© 2018 г.

М.М. Горина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

maruszya@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2017

Исследуются истоки реформы словацкого литературного языка (1852), кодифицированного в 40-е гг. XIX века Людовитом Штуром. Как католики, так и протестанты имели серьезные замечания к предложенной кодификации, которые далеко не во всем совпадали. В статье с помощью сравнительно-сопоставительного анализа лингвистических работ Л. Штура и М.М. Годжи, представлявших протестантское течение, определяются основные расхождения во взглядах этих авторов на словацкий литературный язык. Так, в отличие от Л. Штура, М.М. Годжа предложил использовать этимологический принцип в орфографии и привести в соответствие с ним некоторые морфологические формы. Часть этих изменений впоследствии закрепились в словацком литературном языке и функционирует в нем до настоящего времени (графемы *ä, ě*, дифтонги *č, š*, причастия на *-l*, флексия *ov* в род. падеже существительных мужского рода).

Ключевые слова: литературный язык, кодификация, словацкий литературный язык, реформа литературного языка, диалектная база.

Современный словацкий литературный язык в узком смысле восходит к реформе 1852 г., когда была анонимно издана «Краткая грамматика словацкого языка» [1]. Введение к этой грамматике было подписано тремя известными общественными деятелями католического вероисповедания и тремя видными представителями, принадлежащими к евангелической церкви аугсбургского исповедания (евангеликами), среди которых был и кодификатор реформируемого словацкого литературного языка Л. Штур. Известно, что автором этой грамматики был католик М. Гаттала, впоследствии профессор славянской филологии Карлова Университета в Праге, который учел в тексте некоторые воззрения на словацкий литературный язык одного из лидеров общественной жизни евангелического вероисповедания М.М. Годжи. В связи с этим реформа словацкого литературного языка 1852 г. явилась компромиссом между католиками и евангеликами в языковом вопросе и получила в словакистике наименование реформы Гатталы и Годжи.

Как известно, в Словакии в течение нескольких веков существовала сложная языковая ситуация. Словацкие католики использовали в письменности гибридный язык, который возник путем длительного взаимодействия чешского литературного языка, проникшего на территорию Словакии еще в XIV веке, с западнословацким диалектом. Вершиной в развитии этого языка стала кодификация А. Бернолака (1787). Евангелики же считали образцом своего лите-

ратурного языка чешский язык Кралицкой Библии XVI века. К 40-м гг. XIX в., однако, языковая ситуация в среде молодого поколения евангеликов принципиально меняется, поскольку они осознают необходимость кодификации нового литературного языка с целью языкового объединения всех словаков, в том числе и для издания общесловацкой газеты. Выразителем этих чаяний молодого поколения евангеликов становится Л. Штур, который в работах «Наука о словацком языке» [2] и «Наречие словацкое, или Необходимость писать на этом наречии» [3] обосновал необходимость создания нового литературного языка и предложил описание его фонетической и морфологической систем, основанных на ином, среднесловацком диалекте.

Кодификация Л. Штура была воспринята неоднозначно и стала предметом бурных дискуссий. Старшее поколение евангеликов во главе с Я. Колларом категорически ее отвергло, подготовив и опубликовав сборник публицистических статей с «говорящим» названием «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, мораван и словаков» [4]. Критические замечания раздавались также в среде католиков и молодого поколения евангеликов. Принимая кодификацию в целом, они тем не менее выступали против отдельных ее положений и конкретных языковых средств. Заметим, что в словакистике до настоящего времени не дифференцированы высказанные в отношении кодификации Л. Штура возражения католиков и евангеликов, которые с учетом различий в ис-

тории католической и евангелической письменности во всем совпадать не могли. В связи с этим целью данной статьи является изложение представлений о характере литературного языка, содержащихся в работах одного из лидеров общественной жизни словацких евангеликов М.М. Годжи «Полезные суждения о слове для добропорядочных словаков» [5] и «Высказывания о словацком языке» [6].

Михал Милослав Годжа (1811–1870) первоначально получил теологическое образование в евангелическом лицее в Пресбурге (ныне Братислава), а в конце 30-х годов продолжил обучение в Вене, после чего принял церковный сан. Однако его деятельность была весьма обширной и не ограничивалась исполнением долга священника. Подобно многим будителям XIX века он исполнял сразу несколько ролей: священника, политического деятеля, поэта и лингвиста. Во времена учебы в Братиславе он на протяжении года (1833–1834) занимал пост заместителя председателя «Общества чешско-словацкого языка и литературы». В конце 30-х годов Годжа активно участвует в общественной деятельности, издает научные журналы, среди них «Словацкая газета» и «Словацкая пчела». Годжа стал одним из основных участников национально-освободительного движения. Священник и ученый в 1843 году активно обсуждал вместе со Штуром и Гурбаном реформу словацкого литературного языка и издание на нем периодики. Через год Годжа возглавит культурно-просветительское общество «Татрин». Он принимал участие в восстании 1848–1849 годов, направленном на подавление антигабсбургского выступления в Венгрии в обмен на обещанные Веней послабления в жесткой национальной политике. В последние годы жизни Годжа был одним из основателей «Матицы словацкой» (1863–1875).

М.М. Годжа считал, что Словакия является родиной славянских языков и что старославянский (в терминах Годжи – старословацкий) именно с дунайских земель, окруженных Карпатами и Татрами, сначала распространился на Балканы, а затем и на другие земли, населенные славянами. В результате его смешения с народными говорами на других территориях и возникло все многообразие славянских языков. В связи с этим для Годжи чрезвычайно важным является сохранение литературной традиции, в частности, применение исторического (в современном понимании – этимологического) принципа в орфографии [6, S. 27]. Вследствие этого он предлагает закрепить в словацкой графике буквы *y/i*, а также их «долгие варианты» *ý/í* для

обозначения одного и того же звука [i] в соответствии с распределением старославянских звуков [ы] и [и] в корнях лексем: ст.-слав. *гыбнѣти* – словац. *hynúť*, ст.-слав. *сынъ* – словац. *syn*, ст.-слав. *быкъ* – словац. *býk*, ст.-слав. *пишѣ* – словац. *rišem*, ст.-слав. *лице* – словац. *lícě*, ст.-слав. *оулица* – словац. *ulica* и т. п. Данный принцип с некоторыми различиями в написаниях слов реализован в русском и чешском языках.

Как показывают приведенные примеры, Годжа полагает, что количество парных мягких согласных следует расширить, включив в их число *ř*, отсутствовавшее в кодификации Штура. Вероятно, это происходит под влиянием родного для него турчанского говора, в котором данный звук стабильно сохраняется до настоящего времени [7, с. 24].

Годжа предлагает также использовать графемы *y/ý* и *i/í* в соответствии с падежными окончаниями в старославянском языке. Так, в формах род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа у имен существительных типа *žena* появляется флексия *-y*: *žäby*, *vody* (сравни: старославянское *Ѣ* в данных формах – *жабы*, *воды*) в соответствие с окончанием *-i* в кодификации Штура; в формах тв. падежа мн. числа существительных мужского рода в зависимости от исторической твердости или мягкости конечного согласного основы вводятся флексии *ý* (словац. *rabý* – ст.-слав. *рабы*, словац. *hadý* – ст.-слав. *гады*) и *í* (словац. *zätí* – ст.-слав. *зяти*, словац. *mečí* – ст.-слав. *мечи*) или *y/í* в случае действия ритмического закона (*býky*, *králi*) и т. д.

Годжа, однако, не ограничивает написание графем *i/í* и *y/ý* этимологией слов и форм, а предлагает использовать их также для обозначения функциональной мягкости или твердости предшествующего согласного в формах, существенно отличающихся от старославянских, в частности перед дифтонгами, обозначаемыми в кодификации Л. Штура как *je*, *ja*, путем замены графемы *j* графемами *i* (после функционально мягкого согласного) и *y* (после функционально твердого согласного). Сравни: формы род. и дат. падежей прилагательных мужского рода единственного числа *mladyěho* – *staršiěho*, *mladyěmu* – *staršiěmu*, формы род. падежа мн. числа существительных женского рода и среднего рода *matyek*, *Tatyer*, *pravidyěl*, *okuyěň*, *jariěň*, *plěs* и формы им. падежа ед. числа указательного местоимения женского и среднего рода *tyä¹*, *tyě*.

Введение графемы *y* для обозначения твердости предшествующего согласного разрушает систему обозначения мягкости, кодифицированную Л. Штуром и восходящую еще к кодификации А. Бернолака. В соответствии с ней

отсутствие графемы у компенсировалось обязательным обозначением парной мягкости согласного при помощи диакритического знака $\acute{}$ (\acute{t} , \acute{d}) либо $\check{}$ (\check{n}). Более того, он предлагает фиксировать мягкость не только парных мягких, но и других согласных. Для этого он вводит диакритический знак $\check{}$ над буквой *e*, как в чешском языке (\check{e}), и оригинальный знак $\ddot{}$ над другими гласными (\ddot{a} , \ddot{o} , \ddot{u}), например: *polě, žäba, v nĕm, lüd*. При этом Годжа не различает обозначение мягкости предшествующего согласного и самостоятельной фонемы – широкого открытого *e*, представленного в значительной части говоров среднесловацкого диалекта и обозначаемого в современном словацком литературном языке как \ddot{a} . Данная фонема выступает в независимой позиции после губных как рефлекс ϵ (*päť, mäso*) и после заднеязычных согласных как результат их палатализации в среднесловацком диалекте после последующего отвердения (*käčka, zgärbä*) [8, S. 184–191]. Кроме того, Годжа предлагает использовать этот же знак и при обозначении слоговой части дифтонгов с неслоговым *i*, вероятно, считая, что под воздействием неслоговой части слоговая меняет свое звучание (*iä, iě, iü*). Таким образом, он сохраняет шутовское обозначение мягкости только в абсолютном конце слова: *zäť, stavíäň, rad'* (повелительное наклонение от *radit'*), а также *puoľ, vuoľ, kráľ, priätěľ*.

Как видно из приведенных примеров, Годжа, вероятно, полагает, что количество дифтонгов в словацком литературном языке должно быть увеличено путем включения в него дифтонгов *iö, iü*, отсутствовавших в кодификации Л. Штура. При этом названные дифтонги функционируют как во флексиях, так и в корнях слов (*diöwka, zätiöch rozliütit', oboniü*).

Кроме того, Годжа предлагает ввести трифтонги с сочетанием *iö – iöü* во флексиях адъективалий в тв. падеже ед. числа *husäciöü, pisäciöü* [6, S. 75], а также в тв. падеже ед. числа существительных женского рода мягкой разновидности типа *oboniä – oboniöü* [6, S. 70].

Впрочем, в отдельных случаях Годжа и упрощает графическую систему. Он вводит монофтонг \grave{o} для обозначения гласного *o*, возникшего в результате сокращения дифтонга *uo*. Графема представлена во флексиях адъективалий среднего рода твердой и мягкой разновидности в соответствии с дифтонгом *uö/üö*, если флексии предшествует слог с долгим монофтонгом или дифтонгом (действует ритмический закон): *stälò, krásnò, lěžiäcò*, сравни: *lähkuö, svätüö, husäcüö, staršüö* [6, S. 77–78]. В итоге и без того сложная графическая система еще больше усложняется, поскольку функционируют две графемы \grave{o} (для гласного, появившегося в результа-

те сокращения *uo*) и *o* (на месте исконного *o*) для обозначения одного и того же гласного *o*.

Этимологический принцип в предложениях Годжи распространяется не только на гласные, но и на согласные в формах причастия на -I мужского рода и формах род. падежа мн. числа существительных мужского рода, в которых в кодификации Штура была представлена графема *u*. В названных причастиях на -I Годжа восстанавливает исконный праславянский звук *l* (*bol, žil, niěsol*, сравни у Штура: *bou, žiu, ňjesou*), что при этимологическом подходе представляется вполне логичным. В отношении же орфографического изменения шутовской флексии *ou* в формах род. падежа мн. числа он принимает довольно экзотичное решение, поскольку предлагает ввести графему *w* для обозначения согласного во флексии в позиции после твердого согласного, тогда как в соответствующей флексии после функционально мягкого он предлагает использовать графему *v* (*hadòw, hriechòw, rabòw, mečòv, zatòv*), что не поддается объяснению. Однако в формах тв. падежа ед. числа существительных женского рода *ulicöü, vodoü* Годжа не предлагает использовать графемы *v* и *w*, поскольку гласный *u* во флексиях в этих формах восходит к носовому гласному * \acute{Q} [9, S. 167–168].

Предлагаемые Годжей графические инновации оказали влияние на морфологическую систему литературного языка. Изменение обозначения мягкости согласного усилило контраст между твердым и мягким типами склонения. Обозначение шутовского дифтонга *je* как *ie* или *ue* в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного имело наиболее существенное значение для склонения прилагательных, поскольку создало предпосылки для выделения мягкого и твердого типов. Более того, Годжа под влиянием родного турчанского говора допускает замену дифтонга *ue* долгим монофтонгом \acute{e} , что уже реально разделяет данную парадигму на две, поскольку теперь уже адъективалии с мягким и твердым согласным в конце основы действительно имеют разные флексии (твердый вариант *mladyěho-stälèho, mladyěmu-stälèmu*, мягкий вариант *staršieho-lěžiäcěho, staršiehu-lěžiäcěmu*) [6, S. 75–76]. Лишь второй вариант находим в «Краткой грамматике словацкого языка», и именно он и закрепился в словацком литературном языке, в результате чего несколько укрепились позиции долгого монофтонга \acute{e} в словацком литературном языке, ранее представленного лишь в некоторых словах иностранного происхождения (*béka*) и слове *céra* [9, S. 87].

В области морфологии Годжа предлагает в основном исходные, шутовские парадигмы,

изредка исключая старые или чаще добавляя новые дублетные флексии. У существительных среднего рода он сохраняет единственный вариант склонения у слов типа *staväniä* [5, S. 71] и упраздняет дублет Штура с флексией *je* (*staveňja, staveňje*. В дат. падеже мн. числа неодушевленных существительных мужского рода (у одушевленных существительных был представлен один вариант – окончание *-om*) Годжа исключает из штуровщины дублетную флексию *-am* (*dvogam*) и оставляет единственную *-om* (*dvogom*), в графике Годжи – *òm* [5, S. 73]. Очевидно, что он стремился унифицировать парадигму множественного числа существительных одного рода (основной штуровский вариант флексий с гласным *-a* был идентичен качеством гласного в парадигмах существительных женского и среднего рода). Возможно, Годжа исключил дублет, поскольку в парадигмах Штура окончание с *-a* было представлено только у неодушевленных существительных мужского рода, в то время как у одушевленных была только флексия *om*.

К преобразованиям, обусловленным родным говором лингвиста, можно отнести: формы предлож. падежа мн. числа существительных мужского рода с окончанием *iech* (*mečičech, zätičech, syničech, vlčičech, domičech, knäzičech*), которые он предлагает кодифицировать в качестве дублетов.

Еще одно изменение коснулось глаголов с суффиксом *ovať*. Штур кодифицировал для них суффикс *uvať* в инфинитиве (*poluvať*). Годжа оставляет данную форму в качестве дублета, а как основной вариант предлагает использовать глаголы на *ovať* (*kralövať, rokutovať*) [5, S. 81].

У прилагательных среднего рода в формах им.-вин. падежей ед. числа среднего рода Годжа сохраняет специфическую среднесловацкую флексию *-uo*, кодифицированную в штуровщине, правда, в собственном графическом оформлении *-üö* (для твердой парадигмы – *nahuö, mladuö*) или *ò* (в случае действия ритмического закона *stälò, krásnò*), *üö* (для мягкого варианта *staršüö, owšüö*). В мягкой же разновидности склонения Годжа добавляет в качестве основной формы общесловацкие прилагательные с окончанием *iě* (представлены в северных говорах западнословацкого диалекта и среднесловацком диалекте) – *staršiě, owšiě*.

В ряде случаев Годжа в парадигмах существительных к традиционным для штуровщины падежным флексиям добавляет новые варианты, не исключая при этом старые: мужской род предлож. падеж мн. числа *ach, ách, och, iech* (ср. у Штура *och, ach*), тв. падеж мн. числа *ý, mí, mí, amí, ámí, amí* (у Штура *mí, amí*).

Гиперкорректность Годжи и стремление к унификации парадигм проявились и в тех фор-

мах, где определенные языковые явления возникнуть не могли. Так, в тв. падеже мн. числа существительных женского рода с функционально мягким согласным в конце основы он предлагает ввести форму, отсутствовавшую у Штура: *kostiämi, nociämi, dušiämi* (у Штура – *ulicämi, ulicämi*). Очевидно, Годжа вводит окончание, ориентируясь на дат. и предлож. падежи мн. числа, в которых представлен дифтонг *-ia*. В дат. и предлож. падежах он сохраняет штуровские окончания с кратким гласным как основные и с дифтонгом – как дублеты: *kostäm, kostiäm, ulicäm, uliciäm, kostäch, kostiäch, ulicäch, uliciäch* [5, S. 70].

Годжа оставил почти без изменений местоимения, кодифицированные Штуром. Главными отличиями от первоначального варианта являлись: западнословацкие дублеты указательных местоимений *teho, temu* (при сохранении основной среднесловацкой формы *toho, tomu*).

Итак, Годжа полагал, что словацкий литературный язык, кодифицированный Штуром, должен быть подвергнут значительным изменениям на уровне графики, орфографии, фонетической и морфологической систем. Основное предложение было связано с использованием в орфографии этимологического принципа и связанного с ним изменения обозначения мягкости согласных и написания некоторых морфологических форм. Предложения Годжи были тщательно изучены Гатталой и частично использованы им при написании «Краткой грамматики словацкого языка», ставшей новой кодификацией словацкого литературного языка. Главным предложением Годжи, которое укоренилось в системе литературного языка, стало введение орфографии, основанной на этимологии. На письме данный принцип отражался в использовании графем *ú/y í/i* в корнях и флексиях слов в соответствии со старославянским языком. Это нововведение коренным образом изменило и отражение на письме мягкости/твердости финального согласного основы слов с помощью тех же графем или дифтонгов с неслоговым *i*. Перед гласными переднего ряда и дифтонгами *ie, ia, iu* мягкость *n, t, d* и введенного *l* перестала обозначаться. Таким образом возникли предпосылки для разделения системы склонения адъективов на твердую (*pekny*) и мягкую (*cudzi*) парадигмы, которое было закреплено реформой словацкого литературного языка 1852 года. Вторым предложением, которое прочно закрепилось в системе литературного языка, стало единообразие внутри парадигм одного рода (отказ от окончания *-am* у существительных муж-

ского рода мн. числа и сохранение единственного варианта -om – (dvojom), коррелирующего с формами род. (dvorov) и предл. (dvoroch) падежей). К числу полностью принятых частных предложений относятся изменение звукового облика причастий прошедшего времени на -l (bol), глаголов типа rokovat', к числу частично принятых – обозначение неслоговой части дифтонгов как i (ia, ie, iu), флексия -ov в род. падеже мн. числа существительных мужского рода (chlapcov, mečov), флексия ie в им.-вин. падеже ед. числа у прилагательных мягкой разновидности типа staršie и др. Часть предложений Годжи в истории словацкого литературного языка так и осталась невостребованной, поскольку находила соответствие в чешском языке или же значительно усложняла графику: обозначение при помощи гласного с двумя точками мягкости предшествующего согласного, графема ô, флексия ôw в род. падеже существительных твердой разновидности (rabów, holubów), трифтонг iöü во флексиях тв. падежа ед. числа адъективалий и существительных женского рода и некоторые другие.

Примечание

1. В действительности в подобной огласовке указанное прилагательное в словацких диалектах отсут-

ствует, так как в нем представлен не дифтонг, а долгое á.

Список литературы

1. Hattala M. Krátka mluvnica slovenská. Prešporok, 1852.
2. Štúr L. Náuka reči slovenskej. Prešporok: Písmom Belnayho Ďed'ičou, 1846.
3. Štúr L. Nárečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí. Prešporok: tlačjareň K.F. Wiganda 1846.
4. Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čehy, Morawany a Slowáky. Praha: Komissia Kronbergra i Řiwnáče, 1846.
5. Hodža M.M. Epigenes Slovenicus. Leutschoviae. Typis Joannis Werthmüller and Filii, 1847.
6. Hodža M.M. Větín o slovenčine. Levoča: Tlač Jana Werthmüllera a syna, 1848.
7. Лифанов К.В. Диалектология словацкого языка: Учебн. пособие. М.: ИНФРА-М, 2012.
8. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963.
9. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.
10. Lifanov K. Rekatolizácia ako najdôležitejší medzník v dejinách spisovnej slovenčiny // Jazykovedný časopis, 50, č. 1.1999. S. 17–26.
11. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov 1: Od začiatkov až po L'udovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971.
12. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983.

M.M. HODŽA'S IDEAS ABOUT THE NECESSITY OF CHANGES IN THE SLOVAK LITERARY STANDARD

M.M. Gorina

The article presents the results of our research concerning the origins of the reform of the Slovak literary standard (1852) codified by L. Štúr in the 1840s. There were serious objections to the proposed codification on the part of Catholics and Protestants, whose opinions differed in many aspects. Using the comparative analysis of linguistic works of L. Štúr and M.M. Hodža who represented the Protestants, we identified the main differences between their views on the Slovak literary language. So, unlike L. Štúr, M.M. Hodža suggested the use of the etymological principle in spelling and brought into line with it some morphological forms. He added new digraphs (iě, iä, iü), phonemes (ä, ĩ), excluded the most controversial elements of the morphological system (syllabic – in past participle was changed to l and in ending of genitive case plural of masculine nouns – to v/w, for example – chlapcöv, rabów), added new endings (nominative and accusative of neuter adjectives -ie staršie, endings of cases of adjectives of hard and soft paradigms with è/ě stálého, ležiáčeho). Some of these changes have been used in the Slovak literary language until now (graphemes ä, ĩ, diphthongs with i, past participle with -l, ending -ov in genitive of masculine nouns).

Keywords: literary standard, Slovak literary language, codification, reform of the literary language, dialect basis.

References

1. Hattala M. Krátka mluvnica slovenská. Prešporok, 1852.
2. Štúr L. Náuka reči slovenskej. Prešporok: Písmom Belnayho Ďed'ičou, 1846.
3. Štúr L. Nárečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí. Prešporok: tlačjareň K.F. Wiganda 1846.
4. Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čehy, Morawany a Slowáky. Praha: Komissia

- Kronbergra i Řiwnáče, 1846.
5. Hodža M.M. Epigenes Slovenicus. Leutschoviae. Typis Joannis Werthmüller and Filii, 1847.
6. Hodža M.M. Větín o slovenčine. Levoča: Tlač Jana Werthmüllera a syna, 1848.
7. Lifanov K.V. Dialektologiya slovacckogo yazyka: Uchebn. posobie. M.: INFRA-M, 2012.
8. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963.
9. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky.

Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.

10. Ličanov K. Rekatolizácia ako najdôležitejší medzník v dejinách spisovnej slovenčiny // Jazykovedný časopis, 50, č. 1.1999. S. 17–26.

11. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov

1: Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971.

12. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983.